

ДОЛГ ХУДОЖНИКА

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

В один из грозных вечеров Октябрьского восстания в Москве, когда над городом еще гремела канонада, в театре «Аквариум» московские актеры уже играли свой первый спектакль для представителей победившего народа.

В зале, сжимая винтовки, сидели только что пришедшие сюда с поля боя революционные солдаты и моряки. Когда спектакль кончился и помощник режиссера уже собрался давать финальный занавес, из зала раздался неожиданный возглас: «А ну-ка, погодь, не задерживай!» — и на сцену двинулся огромный ростом моряк с кольтем за поясом; на его бескозырке можно было прочесть название корабля: это был авроровец.

«Товарищи артисты, — сказал, обращаясь к актерам, матрос, — вот вы сегодня играли наше представление в первый день нашей рабочей власти. Так вот вам наш наказ: если вы по-настоящему хотите присоединиться в нашу рабочую братскую семью, стать нашими братьями, то и помогите нам в этой борьбе... Подбирайте для нас такие ваши пьесы, чтобы они, как надежный аккумулятор, давали нам зарядку силы и вливали в нас бодрость стоять на часах до конца победы».

Текст этой речи документален. Ее записал присутствовавший на спектакле режиссер Малого театра Л. Прозоровский. Я прочел эту записку в одном из залов Бахрушинского музея. Читая ее, я, конечно, не мог не думать о нашем основательном долге перед этим моряком. И все-таки я знал — на протяжении своего, почти сорокалетнего пути, советский театр сделал немало для того, чтобы выполнить этот великий наказ балтийца.

В самые тяжелые, решающие моменты народной борьбы театр наш всегда был со своим народом. В истории нашей сцены были времена мощного подъема, были и периоды временного упадка. Но никогда за все эти годы советский театр не изменял идее народного служения. На протяжении тридцати девяти лет на нашей сцене не было поставлено ни одного спектакля, в котором бы проповедовались человеконенавистнические идеи братоубийственной войны, расовой дискриминации или унижения человека человеком.

Идея мира, идея интернациональной солидарности трудящегося человечества, поэзия благородного творческого труда, поэзия высокого человеческого подвига пронизывают собой все наиболее значительные создания советского театра.

Когда вспоминаешь сегодня наиболее сильные художественные впечатления прошедших лет, перед тобой встает бурная, клочковатая «Сцена на колокольне» мхатовского «Бронепоезда», и ты снова, волнуясь, видишь, как простой американский солдат находит общий язык с душевным русским парнем Василью Окоромо, а молчаливый китаец Син Бин-у понимает с полуслова таежного крестьянина Никиту Вершинина. Вспоминается в том же театре и образ советского врача Платона Кречета, скрипача и хирурга, все мысли которого направлены на то, чтобы вырвать у смерти человеческую жизнь... Видишь прекрасное смуглое лицо и светлую душу шекспировского Отелло, которого с таким воинствующим гуманизмом воплотил на сцене Малого театра Остужев.

Каждый из этих спектаклей славит жизнь и протестует против разрушения и смерти.

Мое поколение пришло в театр в тридцатые годы, в пору бурного подъема нашего театрального искусства. Для нас советская сцена была одним из первых учителей жизни, она раскрыла нам героическое прошлое народа, она позволила нам глубоко заглянуть в душу своих современников, помогла выбрать жизненные пути, наконец, сформировала наши эстетические принципы и взгляды.

В таких эпических созданиях нашего театра, как «Виринея» и «Шторм», «Любовь Яровая» и «Бронепоезд», «Разлом» и «Оптимистическая трагедия», мы вочию увидели силу народа, силу партии, услышали призыв развивать прекрасную героическую традицию нашего искусства. Благодаря подвижническому труду и таланту Бориса Шукрина, мы, стоявшие мальчишками в скорбной очереди у Колонного зала, как бы увидели живого Ленина и поняли, до каких высот может дойти актер новой школы, советской школы актерского мастерства, сочетающий масштаб философских обобщений, партийную страстность и точность социального анализа с глубочайшей правдой каждого душевного движения.

Мы были свидетелями могучего творчества великих мастеров советской сцены, щедро раскрывших перед нами тайну постижения человеческой души на сцене. Следя за мудрым и бесстрастным правдивым искусством Москвина и Качалова, Леонидова и Хмелева, Турчаниновой и Пашенной, Бучмы и Хоравы, Черкасова и Доронравова, Астафова и Улановой, Михалса и Зускина, мы учились понимать, что предельная тонкость, сложность и неповторимость внутреннего мира человека, ничего не теряя в своем индивидуальном богатстве, властно определяется законами истории, законами времени, что «судьба человеческая» раскрывается как «судьба народная», что человек в труде не отделим от человека в любви, ревности и душевной тоске, что правда неразрывно связана с театральной поэзией.

Горячая дерзновенность поиска, смелость открытий, образность театрального языка неотъемлемы от традиций нашего революционного театра, как свежий ветер не отделим от волн моря. Робость осторожности и благодушие успокоенности с этими революционными традициями несовместимы. Уроки ярчайшей театральности и смелости в области художественных решений мы получили прежде всего от К. С. Станиславского. Да, именно от него! Мне кажется, что давно пора покончить с нелепой легендой, превращающей Станиславского в этакого педантичного и суховатого Сальери, только и делающего, что «поверяющего алгеброй гармонию». Он показал нашему поколению, да и всему мировому театру, надежную дорогу к желанной «истине страстей» на сцене. Но, идя этой дорогой, каждый художник, ничего не потеряв в своем своеобразии и неповторимости, может прийти к собственной цели, раскрыть свою программу прекрасного, утвердить своим языком свое понимание человека и мира. Станиславский не сковывает нашу свободу, а служит надежной опорой для дальнейшего броска нашего искусства вперед. Он не может отвечать за то, что в определенное время осто-

рожные люди из конъюнктурных соображений начали равняться лишь на один из его приемов в искусстве. Сам же он, в каждой новой работе перепахивая через созданное ранее и отправляясь дальше в путь. Он открыл вместе с В. И. Немировичем-Данченко новую, небывалую форму чеховского спектакля, он смело обращался к истокам народного балаганного театра в «Горячем сердце», он уверенно себя чувствовал на волшебной почве сказки, он безошибочно ощутил грозную музыку революции в «Бронепоезде», он учил наше поколение каждый раз заново открывать театральную правду каждого нового спектакля. Недаром его учениками были Вахтангов и Мейерхольд. Их путь — не только спор с училем, но и известная преемственность его театральных идей. А рядом была буйная, озорная, праздничная режиссура Охлопкова, земное, национальное, сгущенное до символа творчество Дикого, рядом мчались театральные кони «Укрощения строптивой» Алексея Попова, учившего нас театрально говорить о сегодняшнем дне и поднимать быт до поэзии, рядом было изящное, умное искусство Завадского, Акимова, Симонова, Лобанова. Что говорить, у нас была прекрасная школа, у нас были отличные учителя, и наш долг перед ними — долг благодарности, взяв все это богатство, остаться все-таки самими собой и вернуть долг новыми открытиями, новыми и совсем непохожими на них спектаклями, так же как им, вероятно, в свою очередь, не следует слишком часто воскрешать свои былые достижения и приемы, а смело, «во весь голос» творить новое. Все мы не должны забывать о наказе балтийца, о наказе народа. А мы, честно говоря, несколько подзабыли его за последнее время.

Среди людей нашего театра живет сейчас большое и, как мне кажется, полезное недовольство собой и своей работой. Недобрым словом вспоминаем мы длинную вереницу созданных нами парадных спектаклей, в которых правда нередко была заменена приторной идиллией, человек был обеднен до схемы, а смелость фантазии и неутомимость канонов, завещанных нам всей славной историей советской сцены, слишком часто уступали место унылому однообразию и корректной «благовоспитанности» множества бескрылых театральных творений. Но время, которое мы сейчас переживаем, — это не только время недовольства собой, это время больших надежд, увлеченных поисков и добрых предзнаменований.

В этих поисках нового, в жажде открытия неизведанных путей и изобретения новых форм театральной поэзии нам, как всегда, сослужит хорошую службу богатейший опыт нашего театра. Он снова и снова напомнит нам о том, что сила советской сцены всегда была и будет в новизне и мощи народного характера, в глубине постижения человеческой души современника, в открытости искусства светлым, насущным для народа идеями.

Всего один год отделяет нас от исторической даты — сорокалетия Советской власти. Очень хочется так проработать этот год, чтобы, когда наступит бесконечно важный для нас всех день и к нам в театр придет, очевидно, поселевший за это время бывший моряк-авроровец, он смог бы с удовлетворением сказать, что наказ, данный им в вечер Октябрьского восстания советским актерам, выполнен.

Литературная газета
г. Москва

26 НОЯ 1958